

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

З.Ю. ПЕТРОВА
Москва

О некоторых особенностях олицетворения в поэзии Иосифа Бродского

В статье рассматриваются основные семантические классы объектов олицетворения в поэзии Бродского и их связь с особенностями взглядов поэта на мир. Отдельное внимание уделяется использованию Бродским грамматико-синтаксических способов олицетворения, а также оживлению стертых метафор и созданию новых.

Ключевые слова: *олицетворение; поэтический идиостиль; предмет олицетворения; грамматические способы олицетворения.*

В поэзии И. Бродского олицетворение играет достаточно большую роль. Остановимся подробнее на некоторых способах создания этого приема: на взаимодействии глаголов активного действия с названиями артефактов, на грамматико-синтаксических способах олицетворения с помощью местоимений, сочинительных конструкций, союзов и предлогов, некоторых числительных; рассмотрим связь отдельных предметов олицетворения (время, вещь, тело) со смысловыми доминантами идиостиля поэта, а также семантических групп персонифицирующих слов, характерных для поэта; уделим внимание тому, как поэт оживляет стертые метафоры.

Из предметов олицетворения одна из самых важных в мировоззренческом плане в идиостиле Бродского — семантическая группа «Вещи», в которую входят родовое слово *вещь* и обозначения различных артефактов — строений, предметов мебели, транспортных средств (самая частотная подгруппа в этой группе — обо-

значения строений: *дом, особняк, дворец, забор*; элементов строений: *колоннада, колокольня, колонна, стена, дверь, стекла, комната, помещение, подворотня* и т.д.).

Олицетворение вещей у Бродского коренится в его представлении о размытости граней между одушевленным и неодушевленным мирами, о «равноправии» мира неодушевленного с миром человека. Овеществление человека — обратная сторона такого взгляда поэта на мир. В. Полухина, говоря об этих двух направлениях семантической трансформации в тропах, объясняет их более отстраненным и безличным, чем обычно, взглядом на мир, «как бы “с точки зрения времени”, при котором общепринятая иерархия вещей нарушается и замещается принципом релятивизма и относительности» [Полухина 2009: 231]. Бродский наделяет вещи мыслями, чувствами и волей, предоставляет им слово. Можно сказать, что если у Пастернака мир природы обрел голос, душу, способность физических ощущений и эмоций, то в поэзии Бродского то же сделано с миром созданных человеком вещей. В текстах поэта они обладают чувствами, интеллектом и волей:

Петрова Зоя Юрьевна, кандидат филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. E-mail: zoyar@mail.ru

Вещь, / помещенной будучи, как в Аш- / два-О, в пространство, *презирая риск*, / пространство *жаждет вытеснить*; *сочувствие* лампы и стула; тикающий в ужасе брегет; свеча на стены *смотрит с интересом*;

способностью физического восприятия мира —

зрительного:

яхты в небо *глядят*; вешалки *смотрят* вслед;

слухового:

Лишь печь горит, *способна век внимать*, / раскрыв свой рот, моим словам бессвязным;

способностью совершать действия и испытывать состояния, характерные для живых существ:

столбы *идут домой*; трубы *кашляют*; брус *прижался* к стульям; стаканы *спят*, *припав* к салфеткам грязным;

вещи могут петь, кричать и разговаривать:

сопрано телеграфных линий; «моль» *говорит* холстинка; буксир *закричит*; телеги *дерут глотку*.

У вещей есть руки, ноги, икры, щиколотки, глаза, глазницы, рот, гортань, зубы, лицо, позвоночник:

и слушать в сумраке ночном, / как в *позвоночнике* печном / разбушевалась мышь; Смесь скинутого платья и преграды / *облицовывает щиколотки икр* / к загару неспособной баллостреды; О, чьи глаза в тебя так смотрят, / *наверно, зеркала глаза*; Фортепьяно в гостинной, точно лакей-арап, / *скалит зубы*;

предметы одежды:

латы самовара; Теперь только двум колоннам белеть в *исподнем* / неловко; голые мачты шведских / яхт, безмятежно спящих в *одних подвязках*, в *одних подвесках*.

Один из художественных приемов Бродского — обоюдный смысловой перенос в контексте, где речь идет о человеке и о вещи: вначале вещь уподобляется человеку, затем человек — вещи. Так, влюбленные сравниваются со стрелками часов, которые могут сначала *обняться*, а потом *растаться*:

На Прачечном мосту, где мы с тобой / уподоблялись стрелкам циферблата, *обнявшись* в двенадцать перед тем, / как не на сутки, а навек *растаться*.

Заметим, что образ часов, циферблата вообще характерен для поэзии Бродского, в частности при описании человека.

Еще одна группа олицетворяемых понятий в стихотворениях Бродского — «Время» и слова этого семантического класса: *прошлое, былое, будущее, грядущее*; часто эти слова пишутся с прописной буквы. Среди множества предикатов, характеризующих время, отчетливо выделяется группа слов, определяющих время как разрушительное начало (см. об этом: [Крепс 2007: 171]). Заметим, что такое представление о времени в русской поэзии, безусловно, не ново. Контексты, описывающие разнотипные разрушительные действия времени, достаточно часто встречаются у разных поэтов XVIII—XX вв., ср.:

Время все от нас похитит / И со оним нас самих, / Хоть оно и не насытит / Алчных челюстей своих. (В. Майков, 1779); И время сильною рукой / Губит и радость, и покой! (Батюшков, 1806); Холодок щекочет темя, / И нельзя признаться вдруг, — / И меня срезает время, / Как скосило твой каблук. (Мандельштам, 1922); Все меньше любитя, / все меньше дерзается, / и лоб мой / время / с разбега крушит. (Маяковский, 1926).

В стихах Бродского этот разряд слов пополняется новыми элементами:

Мир больше не тот, что был / прежде, когда в нем царили страх, абажур, фокстрот, / кушетка и комбинация, соль острот. / Кто думал, что их *сотрет*, / как *резинкой с бумаги* *усилья карандаша*, / *время*? Никто, ни одна душа. / Однако время, шурша, / *сделало* именно это; Век на исходе. *Бег / времени требует жертвы, развалины*. Баальбек / его не устраивает; человек / тоже. *Поддай ему* чувства, мысли, плюс / воспоминания. Таков *аппетит и вкус / времени*.

Кроме самого слова *время* в подобных контекстах со значением нанесения ущерба, угрожающей опасности встречаются слова того же семантического поля *прошлое, будущее*:

И убыстряй свои / шаги стоит, только ежели кто гонится по тропе / сзади: убийца, грабители, *прошлое* и т.п.; Или это в двери / нагло ломится *будущее*...

Помимо времени разрушительное начало несут в себе *судьба, рок*, что также вполне традиционно в поэзии.

И в голосе моем все больше фальши. / Но ты ее сочти за долг судьбе, / за долг судьбе, не требующей крови / и жгущей иглой тупой; В маленьких городках, хранящих в подвалах скорбь, / как чужих фотографий, не держат карт – / даже игральных – как бы кладя предел / покушениям судьбы на беззащитность тел; Рок, не щадя причин, топчется в нашем прошлом.

В качестве предметов олицетворения могут выступать и философские понятия: *пространство* (часто в одном контексте взаимодействуют персонифицированные *время* и *пространство*), *жизнь*, *смерть*, *небытие*, *зло*, *добро*, обозначения чувств (*тоска*, *горе*, *ревность*, *ненависть*, *страсть*, *любовь*; *мысль*, *воспоминание*, *язык*) и понятия, связанные с поэтическим творчеством (*стихотворение*, *строка*, *рифма*, *слова*, *буква*, *согласные*, *кириллица*). Персонифицированные элементы текста – буквы, шрифт – приобретают у Бродского особые свойства: они способны заменить собой все сущее и обладают даром предвидения:

Дорогая, несчастных / нет! нет мертвых, живых. / Все – только *тир согласных* / на их ножках кривых; *Кириллица*, грешным делом, / разбредаясь по прописи вкривь ли, вкось ли, / *знает больше, чем та сивилла*, / о грядущем.

Одна из характерных черт идиостиля Бродского – олицетворение тела и частей тела. На такое олицетворение накладывается метонимия (в соответствующем высказывании присутствуют оба тропа), так как слово *тело* и слова, обозначающие части тела, замещают лирического субъекта (см.: [Полухина 2009: 43–56]):

Тело в страстях раскаялось. / Зря оно *тело*, рыдало, *скакалось*; Как хорошее зеркало, тело стоит во тьме: / на его лице, у него в уме / ничего, кроме ряби; Это только для звука пространство всегда помеха: / *глаз не посетует* на недостаток эха; В декабрьском низком / небе громада яйца, снесенного Брунеллески, / вызывает слезу в *зрачке*, *наторевшем* в блеске / куполов; И *горло поет* о возрасте; *гортань*... *благодарит* судьбу.

Подобное наложение метонимического смысла на олицетворение происходит и в персонифицирующих контекстах со словами *душа*, *сердце*, *рассудок*, *разум*, *ум*.

Из природных реалий в поэзии Бродского чаще всего олицетворяются ветер (встречаются и видовые обозначения *бриз*, *трамонтана*, *зюйд-вест*; довольно часто используются мифологические обозначения ветра: *Борей*, *Эол*, придавая соответствующим контекстам значение аллегории), деревья и другие растения, животные, несколько реже – луна, солнце, звезда, небо, тучи, дождь, снег, поля и т.д. Персонифицированная природа предстает враждебной человеку: она определяется как *молчаливая*, *холодная*, *лютая*, ее лик *делается злым*, ее действия характеризуются жестокостью.

Рассмотрим основные средства олицетворения. В конструкциях олицетворения поэт использует слова, относящиеся к следующим тематическим группам:

– «Война»:

Вброд / перешедшее Неман еловое *войско*, / *оцетинившись* *тиками*, Ковно в потемки берет; Холод ценит пространство. *Не обнажая сабли*, / он берет урочища, веси, грады. / *Населенье сдается*, не сняв *треуха*.

Обращаясь к различным реалиям, Бродский часто использует военные термины: *шеренга*, *гарнизон* (лес, деревья), *войско* (ели, мухи, камни), *воинство* (тени, листья), *дружина* (сны);

– «Политика»; ср. такие слова этого поля, как *царствовать* (сосны), *власть* (теней), *отдать во власть* (сомнениям и укоризне), *самовластье* (природы), *тиранить* (метель). Особенность идиостиля поэта – употребление слова *пановать* (значение которого определяется в Словаре под ред. Д.Н. Ушакова как 'устар. обл. жить паном, верховодить'; у Бродского оно встречается в сочетании со словами *дождь*, *вода*, *стыдливость*);

– «Экономика, финансы, торговля, имущественные отношения»; в качестве опорных слов олицетворяющих тропов отметим деловую лексику и канцеляризм: *кредит*, *аренда*, *право на жилплощадь*, *банкротство*, *долг*, *заплатить долг*, *процент*, *неустойка*, *быть в барыше*, *отпускать сухой избыток* и некоторые другие. Например:

Вот уж не думал увидеть столько / роз; это – *долг*, *процент*, *неустойка* / лета тому, кто бесспорно должен / сам бы собрать их в полях, но дожил / лишь до цветенья; Снег

лежит на вершинах; небесная кладовая / *отпускает* им в полдень *сухой избыток*; И вот бреду я по ничьей земле / и у Небытия *прошу аренду*;

— «Искусство»:

Трубит зима над сумраком полей / в *фанфары* юго-западного ветра; *Соло* / удода в малиннике; *сопрано* / телеграфных линий; Он умер в январе, в начале года. <...> / Не успевала показать природа / ему своих красот *кордебалет*; а вокруг / снежок кружится, склонный к *Терпсихоре*.

Помимо групп, названных выше, в поэзии Бродского можно выделить четыре класса олицетворений: «Физический план человека», «Эмоционально-волевая сфера», «Интеллект» и «Язык, речь».

Семантический класс «Физический план человека» можно подразделить на следующие подклассы: «Жизнь / смерть», «Возраст», «Дыхание», «Физические состояния, болезни», «Питание», «Движение», «Положение в пространстве», «Звуки», «Физическое восприятие: зрительное, слуховое», «Внешний вид», «Части тела». Все они характерны для русского поэтического языка XIX–XX вв., и Бродский здесь в целом традиционен. Индивидуальные особенности его поэзии состоят, во-первых, в широком своеобразном использовании предметов сравнения семантического класса «Вещи»; во-вторых, в своеобразном употреблении общепоэтических тропов (самый яркий пример — стихотворение «Большая элегия Джону Донну» с многократно использованным глаголом *спать*, который сочетается с обозначениями широчайшего круга реалий); в-третьих, в пополнении традиционных классов олицетворяющих тропов новыми элементами. Так, в подклассе «Жизнь / смерть» наряду с традиционными *жить*, *жизнь*, *умирать* / *умереть*, *почить мертвым сном* и т.д. присутствуют глаголы *расправляться с кем-л.* (в сочетании со словом *природа*), *делать аборт* (*и стрелки кружатся не быстро*, / *и время делает аборт* / *любовям к ближнему*), *разрешаться от бремени* (*как тюремный засов* / *разрешается звоном от бремени*).

В классе «Болезни», который несравненно более широко и многообразно представлен в поэзии Б. Пастернака [Фатеева 2003: 255–267], у Бродского

слова помимо явлений природы характеризуют и артефакты. Например, воспалением, ангиной страдают строения и части строений:

Там и сям / слезающая струпьями штука-турка / обнажает красную, *воспаленную* кладку; и подъезды, *чье небо воспалено ангиной* / лампочки, произносят «а».

Класс «Движение», характерный для поэтического языка в целом, Бродский пополняет однокоренными дериватами: *бежать* — *отбежать*, *выбежать*:

Там куда-то во тьму от дороги твоей *отбегают ручьи*; Бесконечная улица, деляя резкий крюк, / *выбегают к реке*, кончаясь железной стрелкой; Река, хотя и не замерзла, все-таки не смогла / *выбежать к океану*.

В классе «Зрительное восприятие» наиболее частотным можно назвать глагол *глядеть* и его производные:

осины глядят в поднебесье; хотя с нагих ветвей / *глядит зима* во все глаза. <...> и *ветви*, что всегда *глядят* в песок, / склоняются к нему все ближе.

Широко употребляются и другие слова этого класса: *смотреть*, *видеть*, *на виду у кого-л.*, *взирать*. Их дополняют стилистически окрашенные глаголы *воззриться* и *таращиться*:

И легче литься / воде на землю, чтоб назад из лужи / *воззриться вчуже*; Дождливые и ветреные дни / *таращатся с Олимпа* на четверг.

В подклассе «Внешний вид» повторяется слово *морщины* (*морщинки*) и производное *морщинистый*, связанные с одним из ключевых мотивов поэзии Бродского — старением, воздействием времени на все живое и неживое. При этом в ряде случаев в контексте присутствует смысл уравнивания человека и вещей, человека и природы под воздействием времени:

Подруга, дурнея лицом, поселись в деревне. / Зеркальце там не слышало ни о какой царевне. / Речка тоже рябит; а земля в *морщинах* — / и думать забыла, поди, о своих мужчинах.

Слова семантического класса «Эмоционально-волевая сфера», употребляемые Бродским в контекстах персонификации, объединяются в поля «Эмоции», «Эмоциональные действия» и «Воля». Среди

эмоций, приписываемых не-лицам, преобладают негативные (как и в целом в поэзии Бродского, см.: [Петрова 2007]): *страх, тоска, отчаяние, смятение, негодование, грусть, зависть, мучиться, стыдиться, скорбеть, стусшевываться, скушать, робость, недоверие:*

Плывет в *тоске* необъяснимой / среди кирпичного надсада / ночной кораблик негасимый / из Александровского сада; Вершины, кажется, глядят / в *отчаяньи* на облака.

Особенность идиостиля Бродского — употребление слова *брезговать* (*брезгать*) в конструкциях олицетворения:

Обыватель узрит сквозь очки в оловянной оправе, / как лежит человек вниз лицом у кирпичной стены; / но не спит. Ибо *брезговать* кумолом сны / продырявленным вправе; И *Нарциссом* *брезгающая* река / покрывается льдом.

Употребление слов семантического поля «Воля» для характеристики явления природы, отвлеченных понятий и артефактов можно считать отличительной чертой Бродского. Это такие слова, как *стараться, стремиться, норовать, вваться* и под.:

Да в тучах из холодных дыр / *луна старается блеснуть*, / чтоб подсказать, что в новый мир / забот указывает путь; *Стремясь предохранить* мундир, / вернее — будущую зелень, / бутоны, тень, / он [шиповник] как бы проверяет мир; И здесь *перо* / *рвется поведать* про / сходство.

Еще одна особенность идиостиля поэта — многочисленные олицетворения со словами семантического поля «Интеллект» в качестве образов сравнения. Они характеризуют в поэзии Бродского и отвлеченные понятия, и вещи:

Весна глядит сквозь окна на себя / и *знает себя*, конечно, сразу; фасады, *не мыслящие себя* в профиль; И зима простыню на веревке *считала своим* бельем; Тем громче пыльное *помещение* / *настаивает на факте* существования.

В семантическое поле «Интеллект» входит подгруппа «Память», элементы которой также дают характеристику мира природы и других реалий:

Аполлон, сними венки, / положи его у ног / Элиота, как предел / для бессмертья в мире тел. / Шум шагов и лиры звук / *будет помнить лес* вокруг. / Будет памяти служить

/ только то, что будет жить. / *Будет помнить лес и дол.* / *Будет помнить сам Эол.* / *Будет помнить каждый знак*, / как хотел Гораций Флакк; Нищий *квартил* в окне / *глаз мозолит*, чтоб, в свой черед, / в лицо *запомнит жильца*, а не / как тот считает, наоборот.

Слова семантического поля «Язык, речь» употребляются в поэзии Бродского достаточно традиционно. Это глаголы речи: *говорить* (что, кому, с кем), *сказать, произносить* (часто в сочетании с прямой речью) и др. Повторяются глаголы, акцентирующие характер произносимой речи — часто неясной, тихой: *бормотать, лепетать, шептать*, и наоборот — громкой: *кричать, голосить, драть глотку*. Употребляются глаголы речи с дополнительными семантическими компонентами: *благодарить, возещать о чем-л., звать, доверять секрет* и др., формулы обращения: *здравствуй, добрый день*. К этому же семантическому полю относятся слова *язык, диалект, жаргон, речь, ругань, злоречье*, встречающиеся в конструкциях олицетворения. В качестве отличительной особенности поэзии Бродского надо отметить частое употребление глагола *твердить* при олицетворении:

Я прохожу сквозь вечный город, / *дома твердят*: река держись; Течет река, кого ты судишь, / скажи, кто прав, *река твердит*; *Север* — честная вещь. Ибо одно и то же / он *твердит* вам всю жизнь — шепотом, в полный голос / в затянувшейся жизни — разными голосами.

Ситуация изображается поэтом как включающая деятеля, при этом в роли объекта может выступать или реалья окружающего мира, или троп. Во втором случае наблюдается взаимодействие олицетворения с тропами других семантических классов, для которых такое сочетание вполне естественно благодаря их тесной связи во внеязыковой действительности. Ср.:

И ветер шелестит в попытке / *жасминовую снять вуаль* / с открытого лица *калитки*; Луна в кусты чистотела / *льет свое молоко*; *Дни расплетают тряпочку*, сотканную Тобюю.

Довольно часто в конструкциях олицетворения у Бродского встречаются имена существительные — обозначения людей. Они употребляются в сравнениях: *новобранец* (планета), *одному*

(мир), *лыжник* (жизнь), *сомнамбула* (особняк), *девочка* (душа), *аргонавт* (забор), *инструктор в Шамони* (сердце), *страж* (разум), *аустерлицкий герой* (снег), *брандмейстер* (ревность), *блудный сын* (ветер), *акробат от тоски* (виноград), *молчун, старик* (дом), *травя-скиталец, хозяин-ветер, цветок-проньера, месяц-молодчина*, а также в атрибутивных конструкциях:

И вы слышите, как кричит ворона / картавым голосом *патриота*; И герань обнажает шейные / позвонки *белошвейки*.

Среди таких существительных много имен мифологических, исторических, литературных персонажей: *Борей* (ветер), *Латона* (ночь), *Улисс* огня, *Геро* (снег), *Парка* (осень), *Аттила* (солнце) и т.д. Необычны контексты, в которых употреблены фамилии, не отсылающие ни к каким известным людям:

Дни на одно лицо, как *Ивановы-братья*; Вода – беглец от места, / предместья, набережной, арки, крова, / из-под моста – из-под венца невеста, / фамилия у ней – *серова*.

В последнем примере фамилия написана со строчной буквы, что подчеркивает значение корня, от которого она образована, – *-сер-*.

В создании олицетворения в поэзии Бродского участвуют и местоимения, союзы, наречия. Употребляет поэт и обобщенно-личные предложения с местоимениями *ты* и *вы*, относящимися к не-лицам:

В церковный садик въехал экскаватор / с подвешенной к стреле чугунной гирей. / И стены стали тихо поддаваться. / Смешно не поддаваться, если *ты* / стена, а пред тобою – разрушитель.

В персонифицирующих контекстах с глаголами интеллектуального действия поэт в ряде случаев использует возвратное местоимение *себя*: весна, дома, развалины *узнают себя*; фасады *не мыслят себя в профиль*; суставы *не в силах отличить себя* от клавиш и т.д.

Важным грамматическим средством персонификации является союз *чтобы* (*чтоб*), выражающий цель действия в высказываниях, в которых подлежащее обозначено как не-лицо (о союзе *чтобы* в контексте персонификации времени у Блока см.: [Эткинд 1998: 28–29]). Та-

ким образом неодушевленным объектам приписывается одно из основных свойств человека – целеполагание:

Да в тучах из холодных дыр / луна старается *блеснуть*, / *чтоб подсказать*, что в новый мир / забор указывает путь.

Как известно, выражение олицетворения с помощью наречий, деепричастий, предложно-падежных форм существительных, местоимений, выполняющих в высказывании роль обстоятельств, оживляет имеющийся в высказывании метафорический предикат или же создает у предиката персонифицирующее значение, которое накладывается на обычное, прямое значение. Оживление в глаголе семантики олицетворения с помощью наречий, обстоятельственных конструкций имело место в языке русской поэзии еще в XIX в. [Григорьева 1980: 57–61], оно часто наблюдается и в поэзии XX в. у Пастернака, Ахмадулиной, Мориц и других поэтов. В этом отношении Бродский традиционен. Особенностью его поэзии можно считать контексты, в которых глагол или прилагательное сами по себе не метафоричны, персонифицирующий приглагольный распространитель – обстоятельство – вносит в предикат дополнительный смысл олицетворения:

Ноябрь. Светило, *поднявшееся натоцзак*, / замирает на банке соды в стекле аптеки.

Кроме наречий, обстоятельства могут быть выражены существительными:

И солнце, наподобие колобка, / *зайдет*, на удивление синичке / на миг за кучевые облака / *для траура*, а может, по привычке; Большая золотая буква М, / украсившая дверь, по сути дела, / лишь прописная по сравнению с той, / огромной и *пунцовой от натуги*, / согнувшейся за дверью над проточной / водою.

Интересно, что даже предикаты, которые не могут пониматься двояко, в подобных контекстах ассоциируются с человеком:

Глядят шкафы на хлюпающий сад, / *от страха створки мысленно сужают*.

Глагольное словосочетание *сужают створки* в сочетании с обстоятельством причины *от страха* благодаря наречию *мысленно* воспринимается как рисующее образ испуганного человека.

Способом оживления стертых метафор и образования метафорического смысла служат словообразовательные средства:

Солдаты всходили на транспорт, / сгибаю
суконные бедра. / Маяк им подмигивал бодро.

В высказывании *Маяк мигал* глагол *мигать* – стершаяся метафора, производное *подмигивал* в сочетании с дополнением *им* и наречием *бодро* оживляет ее. Ср. также:

Клонясь ко сну, я вижу за оком кончину /
зимы (ср. прямое словоупотребление *зима
кончилась*).

Подведем краткие итоги. Персонификация реалий основных семантических классов – «Вещи», «Время», «Тело», «Языковое творчество» – связана с мировоззренческими константами картины мира поэта: его своеобразным взглядом на категорию одушевленности/неодушевленности, представлением о разрушительном воздействии времени на все существующее, «фрагментарности изображения лирического субъекта» [Полухина 2009: 47], «своеобразной теологией языка» [Она же: 235]. Среди олицетворений в идиостиле Бродского высокой частотой отмечены слова делового, канцелярского стиля, которые в прямых значениях относятся к семантической области «Экономика, финансы, торговля, имущественные отношения». Отличительными особенностями поэзии Бродского в приписывании артефактам, отвлеченным понятиям и природе человеческих действий и свойств можно считать наделение их интеллектом и волей. Среди слов, раскрывающих эмоциональную сферу, следует отметить преобладание обозначений негативных эмоций и характеристик, приписываемых природе, вещам и абстрактным понятиям;

среди средств выражения физического плана человека преобладают глаголы зрительного восприятия. Бродский пользуется грамматико-синтаксическими способами олицетворения: употребляет местоимения, союзы и некоторые конструкции с числительными, а также оживляет стертые метафоры и создает новые с помощью словообразовательных средств и путем сочетания предиката с наречиями и предложно-падежными формами существительных, относящимися к семантическому классу «Человек». Сопоставление контекстов олицетворения в поэзии Бродского с подобными контекстами у других поэтов позволяет сделать вывод, что во многих случаях Бродский следует традиции, но пополняет сложившиеся в поэтическом языке образные параллели новыми элементами.

ЛИТЕРАТУРА

Бродский И.А. Малое собрание сочинений. – СПб., 2012.

Григорьева А.Д. Слово в поэзии Тютчева. – М., 1980.

Ковтунова И.И. О поэтических образах Бориса Пастернака // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыт описания идиостилей. – М., 1995.

Крепс М.Б. О поэзии Иосифа Бродского. – Санкт-Петербург, 2007.

Петрова З.Ю. О некоторых характеристиках лирического героя в поэзии И. Бродского // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Материалы Международной научной конференции. – М., 2007.

Полухина В.П. Больше самого себя. О Бродском. – Томск, 2009.

Фатеева Н.А. Поэт и проза. Книга о Пастернаке. – М., 2003.

Эткинд Е.Г. Материя стиха. – СПб., 1998.